М. О. Османов

К ОПРЕДЕЛЕНИЮ ФОРМЫ СКОТОВОДСТВА У НАРОДОВ ВЫСОКОГОРНОГО ДАГЕСТАНА В XVIII—XIX вв.

В XVIII—XIX вв. в обществах Южного и Западного высокогорного Дагестана (Самурский, Гунибский и Андийский округа) практиковался отгон скота (преимущественно мелкого рогатого — МРС) на зимние пастбища Азербайджана и Грузии: в уезды Кубинский, Шемахинский, Геокчайский Бакинской губернии, Арешский и Нухинский Елисаветпольской и Сигнахский и Телавский Тифлисской губерний и в Закатальский округ[1]. Отгон осуществлялся в зависимости от зимней кормовой базы (возможностей заготовки корма, выпаса животных на пастбищах-пригревах или хуторского содержания их), а также от развития земледелия и общего уровня благосостояния населения.

Отметим, кстати, что в обществах, характеризовавшихся большим количеством отгоняемых в Закавказье животных, доля содержавшегося в хозяйстве крупного рогатого скота (КРС) была незначительной. Так, например, в селениях Самурского округа в конце XIX в. КРС составлял (в переводе всех видов скота на КРС в соотношении: КРС — 1 голова, лошадь — 1,3, осел — 0,6, МРС — 5) в селениях Джигджиг и Ухул — 18%, Куруш — 11 (Докузпаринский участок); Маза — 18, Кочах — 16, Миджах — 14, Гдым — 13, Хал и Смугул — 9, Хнов — 8, Фий — 7, Борч — 3 (Ахтыпаринский участок); Мишлеш — 23, Джиних — 19, Кальял — 18, Муслах — 15, Гельмец — 12, Мичих — 10, Цахур — 8% (Лучекский участок)[2].

В селениях Гунибского и Андийского округов КРС было больше (25—35%), но здесь имелась развитая сеть зимних хуторов для его содержания[3], и поэтому отгоняли лишь незначительное число голов КРС.

Для осуществления отгона организовывались коши: несколько владельцев объединяли свой скот, нанимали чабана или группу чабанов, арендовали пастбища. Коши способствовали рациональной организации отгона скота и содержания его на пастбищах, предусматривающего, в частности, разделение животных по категориям (матки, баранчики, производители и т. д.).

---

[1] *Гербер И. Г.* Описание стран и народов вдоль Западного берега Каспийского моря (1728 г.).— В кн.: История, география и этнография Дагестана XVIII—XIX вв. Архивные материалы/Под ред. *Косвена М. О.* и *Хашаева Х.-М.* М., 1958 (далее — ИГЭД), с. 81 сл.; [*Герман К. Ф.*]. Географическое и статистическое описание Грузии и Кавказа. Из путешествия акад. И. А. Гильденштедта через Россию и по Кавказским горам в 1770—1773 гг. СПб., 1809, с. 123, 127; *Броневский С. М.* Новейшие географические и исторические известия о Кавказе. М., 1823, ч. II, с. 291; *Краббе К. К.* Замечания о Докузпаре, Ахтах и Рутуле (до 1835 г.).— ИГЭД, с. 335; *Норденстам И. И.* Описание Антль-Ратля (1832 г.).— ИГЭД, с. 325; *Л. З.* [*Загурский*]. Поездка Г. Беккера по Южному Дагестану.— Сборник сведений о кавказских горцах (далее — ССКГ), т. IX. Тифлис, 1876, с. 32; *Евецкий О.* Статистическое описание Закавказского края. СПб., 1835, с. 218—219; *Данилевский Н.* Кавказ и его горские жители в нынешнем их положении. М., 1846, с. 67; *Берже А.* Материалы для описания Нагорного Дагестана.— Кавказский календарь (далее — КК) на 1859 г. Тифлис, 1858, с. 260; *Воронов Н. И.* Из путешествия по Дагестану.— ССКГ, т. I. Тифлис, 1868, с. 14; *Ган К. Ф.* Путешествие по высочайшим местам Дагестанской области летом 1902 г.— Изв. Кавказского отделения Императорского Русского географического общества (далее — Изв. КОИРГО), т. XVI, № 4. Тифлис, 1903, с. 13, 16, 17; *Динник Н. Я.* Путешествие по Закатальскому округу и Дагестану.— Изв. КОИРГО, т. XXI, № 2. Тифлис, 1911, с. 44, и др.

[2] Дагестанская область. Свод статистических данных, извлеченных из посемейных списков населения Закавказья. Тифлис, 1890 (далее — Дагестанская область. Свод статистических данных), с. 208—211.

[3] Вот что говорит об этих хуторах («в которые на зиму переселяется вся шумная жизнь аулов») у капучинцев, бежтинцев, дидойцев и др. наблюдавший их Е. Марков: «...они населяются только зимою, когда невозможно держать скот на пастбищах, а приходится загонять скот под крышу, где уже заранее собрано сено, рубленая солома и всякое зерно». См.: *Марков Е.* Очерки Кавказа. Картины кавказской жизни, природы и истории. СПб.— М., 1904, с. 452—454, 460.

Крупные владельцы при формировании кошей нередко нанимали только старшего чабана (*серкер* — у всех народов Южного Дагестана, *бакIистави* — у цахуров, *удаман* — у аварцев). Старший чабан (обычно им был обладающий большим опытом и навыками организации содержания скота средний владелец) все дальнейшие организационные мероприятия — наем чабанов, аренду пастбищ и т. д. — осуществлял сам; если крупный овцевод участвовал в отгоне, он брал аренду пастбищ на себя.

Средние и мелкие владельцы скота применяли разные принципы организации кошей: присоединение к кошу крупного владельца, наем чабанов (в том числе и с собственным участием) или старшего чабана, комплектование самостоятельного коша (в этом случае один из них выступал в роли организатора и старшего чабана).

Наиболее простой вид отгона — отгон кошей МРС одними чабанами, без сопровождающих людей, в том числе и без владельцев овец; при этом в коше не было других видов отгоняемого скота (кроме животных, необходимых для транспортных нужд). В публикациях середины и второй половины XVIII и XIX вв. подчеркивается, что отгоняли именно овец. Сообщается, например, об отгоне «зимою» «своих овец» и выпасе их в «Кахетинской долине» анцухцами, капучинцами, гунзибцами и дидойцами (Анцухо-Капучинский участок Гунибского и Дидойский участок Андийского округов) [4], об «обширных стадах» «баранов», выпасаемых «на полуденном скате Кавказа» жителями Антль-Ратля [5], о том, что у дидойцев «на зиму значительная часть населения» «остается дома», а «вместе с барантою» уходят лишь немногие [6], что из Самурского округа перегоняют в Азербайджан именно овечьи отары [7] и т. д.

100-летний потомственный чабан Али Гусейнов (общество Анцросо, с. Кутлаб), все предки которого тоже были чабанами, сообщил нам, что в обществах Анцросо, Джурмут, Анцух, Тланада и др. за хребет перегоняли только овец и только чабаны. Аналогичные сведения получены и в селениях Ихрек, Цахур (Лучекский участок Самурского округа) [8].

Во всех этих случаях мы имеем дело с обычным отгоном МРС на равнинные зимние пастбища; такой отгон можно назвать кышлажным [9].

Обратимся теперь к сопутствующим отгону МРС разным видам временного отхода населения, давшим повод для определения этой ФС как кочевой [10]. Рассмотрим эти виды.

---

[4] *Герман К. Ф.* Указ. раб., с. 123, 127.

[5] *Берже А.* Указ. раб., с. 260. В Антль-Ратль входили общества Западного Дагестана: Джурмут, Тлебель, Бохнада, Ухнада, Тланада, Анцросо, Анцух, Тох-Анцух, Капуча (Анцухо-Капучинский и Бохнадальский участки Гунибского округа).

[6] *Воронов Н. И.* Указ. раб., с. 14.

[7] *Л. З.* [*Загурский*]. Указ. раб., с. 32.

[8] Полевые материалы автора. Хранятся в Рукописном фонде Ин-та ИЯЛ Дагестанского филиала АН СССР, ф. 5, оп. 1, д. 6337, 6381 (далее—Полевые материалы автора).

[9] Мы придерживаемся классификации форм скотоводства (ФС), предложенной нами в статье «О формах и типах скотоводства (по материалам Дагестана. XIX в.)».— СЭ, 1984, № 6, с. 77—88.

[10] Так, у Н. Данилевского читаем: «кочуют жители со своими с стадами» (Указ. раб., с. 67); К. Ф. Ган пишет о высокогорных лезгинах, что они «народ полукочевой» (Указ. раб., с. 13); по мнению Карганова и Даитбекова, «скотоводство и в особенности овцеводство в Дагестанской области носит кочевой характер» (см. их работу: Экономическая записка по проекту Дагестанского подъездного пути Темир-Хан-Шура — Порт-Петровск. СПб., 1902, с. 23—24); аналогичные сведения содержатся в «Обзорах Дагестанской области» (раздел «Скотоводство») за 1892—1913 гг.; этой же точки зрения придерживается М. С. Шапсович: «Скотоводство в области носит до сих пор кочевой характер» (см. *Шапсович М. С.* Весь Кавказ. Промышленность, торговля и сельское хозяйство Северного Кавказа и Закавказья, I. Баку, 1917, с. 310); Б. Ф. Добрынин, назвав «чистыми кочевниками» только караногайцев, далее отмечает, что в высокогорной зоне «сама природа содействовала развитию форм кочевого скотоводства» (*Добрынин Б. Ф.* География Дагестанской С. С. Республики. Махачкала, 1926, с. 101); полукочевым, с «перекочевыванием целых селений» названо скотоводство и в кн.: Дагестанская АССР. Физико-географический и экономико-географический очерк. Махачкала, 1958, с. 103. Полукочевым считает скотоводство высокогорья и М. Г. Гаджиев (см.: Скотоводство народов Южного Дагестана в прошлом и настоящем. Историко-этногра-

Первый вид. После формирования кошей селение покидала и значительная часть мужчин, в том числе мелкие владельцы овец, отгоняемых на зимние пастбища. Но они уходили не со скотом, не в составе кошей (к ним некоторые из них собирались лишь во время стрижки овец либо их окота), а на заработки как отходники. По прибытии на место они нанимались на поденную (а если повезет и на сезонную) работу каменщиками, плотниками, подсобниками, возчиками дров, иногда занимались ремеслом. О. Евецкий (первая половина XIX в.) пишет, что у анцухцев, капучинцев и дидойцев «бедные для снискания себе пропитания ходят на заработки в Кахетию и Чаро-Белоканскую область»[11]. Н. И. Воронов (середина XIX в.) также упоминает о бедняках-дидойцах, отправляющихся в Тушетию «для выделывания деревянной утвари»[12].

К. Ф. Ган (начало XX в.) свидетельствует о жителях с. Ихир (Докузпаринский участок, Самурский округ), которые в Нухинском и Арешском уездах «слесарными работами и шитьем тулупов и шуб зарабатывают... деньги на пропитание своих семейств». Он же сообщает, что из Самурского округа (помимо уходящих «со своими стадами») отправляются на заработки еще 12 600 «отдельных лиц» в разные места Кавказа[13]. В обществе Ухнада, где овцы зимой в основном содержались на южных склонах сельских угодий, большинство мужчин уходили на заработки в Азербайджан; выпас той незначительной части овец, которую отгоняли туда же, успешно осуществлялся и без них. Аналогичное положение было в ряде селений обществ Капуча, Таш, Кос, Томс (Анцухо-Капучинский участок), Анцросо, Тлебель (Бохнадальский участок), Тлейсерух (Тлейсерухский участок) Гунибского округа. В части селений последнего (например, Ириб, Гилиб) коши овец обычно уводились на Прикаспийскую низменность Дагестана, а население отправлялось на заработки в Азербайджан. Жители обществ Бохнада, Ухнада, Таш и Шуратль скот в Закавказье не отгоняли, о чем свидетельствуют приводимые И. И. Норденстамом со слов местных жителей данные[14] и сообщения наших информаторов из общества Шуратль. Не перегоняли овец в Закавказье, выпасая их на южных склонах, также жители селений Шиназ, Рутул, Амсар (общество Рутул, Лучекский участок), Мухрек (общество Ихрек, Лучекский участок), Ялак, Гогаз, Кахул, Луткун, Гдунк, Кака (общество Ахтыпара, Ахтыпаринский участок) и др. Самурского округа. Отход же населения во всех этих случаях имел место[15].

Таким образом, отход части населения одновременно с отгоном скота или вскоре после отгона создавал иллюзию, что жители покидают село для выпаса животных на зимних пастбищах (в отдельных случаях это не исключалось).

Второй вид отхода. Через некоторое время после отгона МРС из селения уходят в Закавказье не только отдельные мужчины, но и семьи в полном составе с частью оставшегося скота (или со всем оставшимся скотом).

Цель отхода — заработок и пропитание семьи (в своем ауле цены на продукты из-за трудности их доставки были высокими). Этот вид отхода характерен для всех обществ Западного и Южного Дагестана, экономически тесно связанных с Закавказьем. В отдельных обществах (Тлейсерух, Ухнада, Рутул и др.) такие отходники составляли до 1/4 всех хозяйств. «Транспортный» фактор, т. е. трудность доставки зер-

---

фический очерк. Автореф. дис. на соискание уч. ст. канд. истор. наук. Л., 1979, с. 5). В ряде работ (и дореволюционных и современных) даже отгон скота назван «кочеванием», «перекочевкой» (см. *Берже А.* Краткий обзор горских племен на Кавказе.— КК на 1858 г. Тифлис, 1857, с. 308; *Воронов Н. И.* Указ. раб., с. 14).

[11] *Евецкий О.* Указ. раб., с. 218—219.

[12] *Воронов Н. И.* Указ. раб., с. 14.

[13] *Ган К. Ф.* Указ. раб., с. 16.

[14] *Норденстам И. И.* Указ. раб., с. 325. Автор так объясняет отсутствие отгона скота в Грузию: «Козы и овцы зимою в хорошую погоду пасутся около деревень» (с. 326).

[15] Полевые материалы автора.

на,— одна из главных причин отхода населения (особенно беднейших его слоев) семьями: покупать зерно в своих аулах на заработанные в Закавказье деньги было невыгодно. Учтем при этом одно немаловажное обстоятельство — традицию обеспечения питанием («харчем») нанятых работников. Авторы большинства публикаций конца XIX — начала XX в. преувеличивают удельный вес второго вида отхода (семьями), точнее, многие не отличают его от видов нескотоводческого отхода. Так, в описании Дагестанской области (1891 г.) указывается, что из нагорных селений Самурского округа «отправляется со стадами на зимние пастбища Закавказья 6 тыс. семейств (до 40 тыс. душ), а из Анцухо-Капучинского и Бохнадальского участков — 13 тыс. населения»[16]. В 1902 г. К. Ф. Ган тоже говорит об отходе 16 тыс. семейств (но 30 тыс. населения) из Самурского округа, помимо 12 600 «отдельных лиц», ушедших на заработки[17], т. е. не со стадами и не с семьями. «Отдельные лица»,— разумеется, мужчины. Следовательно, в Самурском округе хозяйств, из которых уходили эти «отдельные лица», было во всяком случае не меньше, чем хозяйств, отправлявшихся целыми семьями и «со стадами» (ибо 12 600 взрослых мужчин представляли больше чем 6 тыс. хозяйств). В «Обзоре Дагестанской области» за 1913 г. сообщается, что в Самурском округе селений, из которых «барановоды на зиму в полном составе сельских обществ перекочевывают», было 14 из 41 в Лучекском участке (Узбашеван, Мишлеш, Кальял, Мухах, Лучек, Ихрек, Цахур, Гельмец, Курдул, Муслах, Джиних, Баш-Дашагиль, Карабулах, Мичих), 4 из 23 в Ахтыпаринском (Смугул, Фий, Борч, Хнов), 1 из 16 в Докузпаринском участке (Куруш)[18], т. е. всего 19 селений. Удельный вес хозяйств этих селений составлял: в Лучекском участке — около 40%, в Ахтыпаринском — 25, Докузпаринском — 18, а в целом по Самурскому округу — 28% всех хозяйств[19].

Собранные нами полевые материалы также свидетельствуют о том, что уход (отход) населения без стад был более распространен, чем уход семьями «со стадами». Информаторы — бывшие участники или очевидцы отхода населения в Закавказье — утверждают, что со стадами никогда не уходили все жители селения. И здесь нет никакого престижного момента, который мог бы помешать искренности информаторов: уйти с собственным скотом не менее (если не более) престижно, чем наняться в поденные работники или подсобники. Так, из с. Хнов, упомянутого в числе 19 селений с наиболее развитым отгоном скота и отходом населения «в полном составе сельских обществ», целыми семьями со стадами, уходила, по словам информаторов, лишь $^1/_3$ хозяйств аула, остальные же из покинувших село лиц являлись отходниками. В селениях Ихрек, Лучек, Цахур (из тех же 19) главная цель ухода, в том числе семьями и со скотом (после отгона кошей),— тоже заработки. В с. Микрах на вопрос, уходят ли семьями, отвечали: «А зачем?» Действительно, в тех селениях, где было развито ковроткачество (Микрах, Ахты, Маза, Хрюк, Каладжух, Кара-Кюре, Мака и др.), ухода семьями не наблюдалось[20].

В связи с этим целесообразно привести данные об отхожем промысле в Дагестане. В «Обзоре Дагестанской области» за 1892 г. в разделе «Отхожий промысел» в графе «отправлявшихся на заработки по округам» указаны по Самурскому округу 6395 семей (30 455 человек). А выше в том же «Обзоре» об этом населении, названном даже «кочевниками», говорится, что оно «почти поголовно перекочевывает со

---

[16] Дагестанская область (в 1891 г.). Естественные и производительные силы области и экономическая деятельность ее населения.— КК на 1893 г. Тифлис, 1892, с. 154.

[17] *Ган К. Ф.* Указ. раб., с. 13.

[18] Обзор Дагестанской области за 1913 г. Приложение к Всеподданнейшему отчету военного губернатора Дагестанской области. Темир-Хан-Шура, 1915, с. 18—19; Дагестанская область. Свод статистических данных, с. 208—211.

[19] Дагестанская область. Свод статистических данных, с. 208—211.

[20] Полевые материалы автора.

своим скотом в смежные губернии Закавказья на зимние пастбища»[21]. В «Обзоре» за 1913 г. после приведения данных об отходниках сообщается: «...кроме этих лиц, отправлявшихся на заработки в одиночку», есть перекочевывающие «целыми семействами и со своим скотом», и в Самурском округе таких семей 5 тыс. (16 тыс. душ)[22]. Характерна эта цифра — 16 тыс. душ. Во-первых, она намного меньше цифры отходников-«одиночек» (23 189 душ) и, во-вторых, средняя численность семьи в округе в это время — 5—6 человек (5,9)[23]; следовательно, или в число 5 тыс. семей включены «одиночки» (чабаны, отходники), или же уходили не все члены семьи, а лишь часть их, т. е. мужчины.

Однако и наши информаторы и источники подтверждают бытование в XIX — начале XX в. традиции ухода со скотом семьями в ряде селений, особенно в упомянутых уже 19 селениях Самурского округа и группе селений анцухо-капучинцев и дидойцев[24]. В связи с этим обратим внимание на то, как формулирует источник цель ухода населения «со своими стадами крупного и мелкого скота в соседние губернии» — «для пропитания себя и для корма скота»[25]. Это подтверждает и очевидец, побывавший в 1863 г. в с. Борч (из тех же упомянутых 19). Он пишет: «...стада этого населения пасутся зимой на землях Нухинского уезда. В это время сторожившие их пастухи со своими земляками доставляют этому краю сильных и самых дешевых работников»[26].

Уход жителей «для пропитания себя» отчетливо проглядывается и в обществах Анцухо-Капучинского, Бохнадальского и Дидойского участков. Так, в обществе Бохнада уходило свыше половины населения с дойным скотом, но на заработки; то же было у капучинцев и дидойцев[27]. Автор сельскохозяйственного обзора Кавказа С. Заваров сообщает, что в Закатальский округ дагестанцы отправляются «с барантой и вообще со всем живым домашним скарбом», а местные жители дают «своим соплеменникам»-пришельцам «работу и приют»[28]. Особенно четко отражена цель отхода в прошении дидойцев царским властям: «Мы и доверители наши спускаемся с гор не для одной пастьбы овец и скота, а преимущественно *для прокормления своих семейств* (курсив наш.— *М. О.*), так как урожаи, которые дают наши горские земли, могут прокормить лишь 4—5 месяцев, да и то при хорошем урожае, остальные 5 месяцев мы питаемся в Кахетии, куда спускаемся со своими семействами на заработки»[29].

В Кахетии были постоянно используемые горцами земли и даже отдельные параллельные хозяйственные поселения[30]. Конфликтная комиссия времен Кавказской войны констатировала наличие в Кахетии (в местностях Гиви, Гебелджохи, Сипиани, Черо и др.) до 50 дидойских зимовников (причем с жилыми постройками) с пахотными и сенокосными огороженными угодьями[31]. Примерно такое же положение было у рутульцев и особенно у цахуров. В «Обозрении Российских владений за Кавказом» указывается, что «Рутул более зависит от провинции Шекинской», как и Шиназ от «владения Елисуйского»[32] (обратим внимание: из Шиназа скот в Азербайджан не отгоняли)[33].

---

[21] Обзор Дагестанской области за 1892 г. Темир-Хан-Шура, 1893, с. 43.
[22] Обзор Дагестанской области за 1913 г., с. 20.
[23] Дагестанская область. Свод статистических данных, с. 18—19, 210—211.
[24] Полевые материалы автора.
[25] Дагестанская область (в 1891 г.), с. 154.
[26] Военно-Ахтынская дорога и Самурский округ.— Газ. Кавказ, 1864, № 2.
[27] Полевые материалы автора.
[28] *Заваров С.* Кавказ в сельскохозяйственном отношении в 1899 г. Тифлис, 1900, с. 222; ср. сообщение К. К. Краббе о том, что общества Докузпара и Ахты вынуждены «отправлять для пастьбы свой скот в Кубинскую провинцию и... в оной же добывать для себя покупкою пшеницу» (Указ. раб., с. 335).
[29] Центральный Государственный исторический архив Грузинской ССР (далее ЦГИА ГССР), ф. 31, д. 260, л. 13.
[30] Полевые материалы автора.
[31] ЦГИА ГССР, ф. 31, д. 260, л. 13.
[32] Обозрение российских владений за Кавказом, ч. IV. СПб., 1836, с. 147.
[33] Полевые материалы автора.

Рассматриваемые формы отгона скота и отхода населения способствовали образованию своеобразного симбиозного хозяйства: горцы обеспечивают продуктами животноводства и рабочей (иногда военной) силой жителей равнины, а те их, в свою очередь,— зерном и плодами. Такие отношения хозяйствования могли сложиться у групп людей определенной степени близости: а) членов одной семьи с неразделенным имуществом; б) членов семьи или близких родственников с разделенным имуществом, живущих в разных местах (одни в горах, другие на равнине) и принявших взаимные хозяйственные обязательства; в) кунаков с подобными же обязательствами[34].

Наиболее ярко подобная модель хозяйства представлена у цахуров, менее отчетливо у рутульцев, капучинцев, дидойцев, лезгин, бежтинцев. Неверно было бы считать эту модель связанной исключительно с содержанием скота. Вначале возникает как бы хутор, имеющий скотоводческий характер, но с развитыми отходническо-промысловыми функциями, в дальнейшем он постепенно «перерастает» в комплексный земледельческо-животноводческий дочерний отселок, а затем в параллельное селение. Но ни на одном из этапов сложения и развития этой формы хозяйства невозможно обнаружить признаков кочевничества.

Приведенный материал показывает, что и в том случае, когда жители уходят со всем скотом или с большей его частью, они (исключая чабанов кошей) заняты в основном отхожим промыслом.

Многие авторы нередко преувеличивали удельный вес отхода дагестанских семей в Закавказье, так как не принимали во внимание, что часть этих семей была на зимних хуторах. Н. Я. Динник, например, пишет о почти поголовном уходе населения капучинского с. Тлядал в Тифлисскую губернию, между тем значительная его часть зимой переходила вместе со скотом (две трети КРС) на хутора[35].

Таким образом, в обществах Южного и Западного высокогорного Дагестана практиковался кышлажный кошевый отгон скота в Закавказье, сопровождавшийся отходом значительного числа мужчин, а также ряда семей аула с частью оставшегося скота на заработки. Поскольку промысловый отход существовал во всех обществах, а точный учет отходников и лиц, отправившихся со скотом, отсутствовал, создавалось впечатление, что все покинувшие село жители участвуют в отгоне скота (в действительности же скот перегоняли и обеспечивали его содержание на пастбищах чабаны). Поэтому скотоводство данного района нередко характеризовалось как полукочевое или кочевое, а быт, образ жизни населения — соответственно как полукочевой и даже кочевой.

Отгоняли, как уже отмечалось, коши МРС. Других видов скота в кошах было мало, и использовались они для нужд чабанов и вообще отгона (дойная корова, вьючные животные). При отходе населения семьями на заработки отгон других (кроме МРС) видов скота в каждом конкретном случае был связан с возможностями его содержания в ауле (наличие заготовленного корма, пригревов), составом семьи (осуществимостью ее разделения), а также со степенью развития традиций передачи скота на содержание.

Напомним, что под кочевничеством подразумевается «экстенсивное пастбищное скотоводство, при котором разведение животных представляет главный вид занятий»[36], «единственную имеющуюся в конкретном обществе форму хозяйства», т. е. «способ хозяйства»[37], «и доставляет основную часть средств существования» населению[38], составляющему

---

[34] *Агларов М. А.* Очерк этнографии земледелия Южного Дагестана.— В кн.: Дагестанский этнографический сборник, I. Махачкала, 1974, с. 207.

[35] *Динник Н. Я.* Указ. раб., с. 44; Полевые материалы автора.

[36] *Марков Г. Е.* Скотоводческое хозяйство и кочевничество. Дефиниции и терминология.— СЭ, 1981, № 4, с. 84.

[37] *Семенов Ю. И.* Кочевничество и некоторые общие проблемы теории хозяйства и общества.— СЭ, 1982, № 2, с. 52.

[38] *Марков Г. Е.* Указ. раб., с. 84; см. *его же.* Кочевники Азии. Структура хозяйства и общественной организации. М.: Изд-во МГУ, 1976, с. 9—10.

самостоятельный демосоциальный организм, в отличие от геосоциального, имеющего пространственную, территориальную структуру[39].

Попробуем спроецировать определение кочевой ФС на рассмотренные нами виды отгона скота и отхода населения. При этом будем руководствоваться положением ряда советских исследователей об отсутствии принципиальных различий между кочевой и полукочевой ФС, представляющими подтипы «одного хозяйственно-культурного типа кочевых скотоводов»[40].

Такой признак кочевничества, как «экстенсивное пастбищное скотоводство», в высокогорном Дагестане отсутствует. Здесь скотоводство не было ни экстенсивным, ни пастбищным, так как характеризовалось заготовкой кормов на месте основного поселения и сочеталось с земледелием; часть скота (главным образом рабочего КРС) была на стойловом содержании. Так, автор конца XIX в. отмечает, что в с. Ахты, которое может считаться типичным для рассматриваемой ФС, домашние животные зимой находятся «в теплых хлевах и кормятся сеном и саманом»[41]. Это подтверждают и материалы дагестанского этнографа С. С. Агаширинoвой: «Перегоняли на зимовку в основном МРС и лошадей, а КРС (быки, коровы, телята) оставался на зиму в селении в основном на стойловом содержании» (общества Ахтыпара, Алтыпара и др.)[42]. О перегоне внутри области и за ее пределы лишь основного поголовья овец и «небольшой части других видов скота» пишет и экономист И. Р. Нахшунов[43].

Далее: скотоводство у кочевников — «главный вид занятий» и даже «единственная форма хозяйства». В высокогорном Дагестане были, конечно, селения и даже целые союзы сельских общин, в которых скотоводство было главным занятием, но не было ни одного, в котором оно было бы единственной формой хозяйства. Выше мы приводили прошение дидойцев, в котором они говорят о собственном зерновом обеспечении на «4—5 месяцев», у рутульцев земледелие было более развито[44], в союзе Ахтыпара оно еще сочеталось с садоводством[45], и лишь в хозяйстве цахуров земледелие имело небольшой удельный вес[46]. Кроме того, во многих селениях были развиты кустарные промыслы, свойственные оседлому быту, а также отхожий промысел (напомним: в 1913 г. было 23 189 отходников из Самурского округа и 15 967 из Гунибского). При оценке удельного веса скотоводства в обеспечении средств существования большинства жителей следует учитывать и заработок отходника (в год он получал до 120 руб., что равнялось стоимости 2 лошадей или 6 быков, либо 30 баранов)[47], и доход от земледелия и домашних промыслов[48]. Отметим и такой немаловажный факт: в отличие от кочевников у всех дагестанцев основной являлась пища растительного происхождения,

---

[39] *Семенов Ю. И.* Указ. раб., с. 56—57, 59.

[40] *Марков Г. Е.* Скотоводческое хозяйство и кочевничество, с. 86; см. также: *Шамиладзе В. М.* О некоторых вопросах классификации и терминологии скотоводства Кавказа.— СЭ, 1982, № 3, с. 74.

[41] *Бабаев Д.* Селение Ахты.— Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа, XVII. Тифлис, 1893, с. 147.

[42] *Агаширинова С. С.* Материальная культура лезгин XIX — начала XX в. М.: Наука, 1979, с. 35.

[43] *Нахшунов И. Р.* Экономические последствия присоединения Дагестана к России (дооктябрьский период). Махачкала: Дагкнигоиздат, 1956, с. 23.

[44] *Агларов М. А.* Указ. раб., с. 208; ср. свидетельство К. К. Краббе: «Рутул имеет достаточно хлеба» (Указ. раб. с. 335).

[45] *Ихилов М. М.* Народности лезгинской группы. Этнографическое исследование прошлого и настоящего лезгин, табасаранцев, рутульцев, цахуров, агулов. Махачкала, 1967, с. 119—120.

[46] *Лавров Л. И.* Рутульцы в прошлом и настоящем.— В кн.: Кавказский этнографический сборник, вып. III. М.— Л.: Изд-во АН СССР, 1962, с. 128; *Агларов М. А.* Указ. раб., с. 205.

[47] *Хашаев Х. М.* Общественный строй Дагестана в XIX в. М.: Изд-во АН СССР, 1961, с. 91; Полевые материалы автора.

[48] Д. Бабаев даже отводит промыслам первое место среди занятий «жителей Самурского округа» (Указ. раб., с. 146).

а основным блюдом — мучной хинкал[49]. И последнее (не по значению): отгон скота (преимущественно МРС) специализирован — только чабаны осуществляли перегон животных и их содержание на пастбищах.

Если бы имело место откочевание населения вместе со скотом, то оно происходило бы и при отгоне скота из высокогорья на Прикаспийскую низменность. Однако откочевок жителей сюда не зафиксировано. И объясняется это тем, что Прикаспийская низменность с ее невозделанными обширными степями не могла обеспечить такого заработка отходникам из высокогорного Дагестана, как земледельческие районы Грузии и Азербайджана. Чем иным можно объяснить такой парадоксальный факт: в обществе Тлейсерух часть селений перегоняла свой скот в Азербайджан, часть — в прикаспийский Дагестан, но жители и тех и других селений (кроме чабанов, разумеется) уходили только в Азербайджан[50]. По логике сторонников кочевания часть тлейсерухцев должна была со скотом (или вслед за ним) перекочевать в прикаспийский Дагестан, но они шли в Азербайджан, где рассчитывали найти заработок.

Относительно социальной характеристики жителей высокогорного Дагестана, принимаемых за полукочевников, можно сказать следующее. Если даже союзы общин Южного и особенно Западного Дагестана и отставали в своем социально-экономическом и общественно-политическом развитии, они не были демосоциальными организмами. А такие политические объединения, как Цахур или Ахтыпара, известны еще со времени средневековья[51]. Союзы общин Дагестана в XVIII—XIX вв. хотя и сохранили «некоторые внешние признаки прежнего племенного деления»[52], однако были «образованы по территориальному признаку. Границы „вольного" общества и границы распространения племенного языка не совпадают. Население, говорящее на одном аварском языке, образует десятки таких обществ; в одно такое общество входит население, говорящее на нескольких языках и диалектах»[53]. Например, союз Ахтыпара включал (кроме лезгинских) рутульские селения, Рутул — лезгинские, Ихрек (кроме рутульских) — лакские и т. д. К Дагестану XIV—XIX вв. полностью применимы слова Ф. Энгельса о различии принципов организации предгосударственных и государственных социальных организмов: «Решающее значение имела уже не принадлежность к родовым союзам, а исключительно место постоянного жительства; не народ подвергался делению, а территория; население в политическом отношении превращалось в простой придаток территории»[54].

Об оседлости коренного населения Дагестана, в частности о глубокой древности его земледельческого хозяйства, красноречиво свидетельствуют археологические материалы, эпиграфические памятники, нарративные источники, а также памятники материальной культуры и весь образ жизни дагестанских горцев. Дагестанские аулы с их монументальными домами, башнями и крепостями[55], известные из устной и письменной традиций в течение многих веков[56], с устоявшимся квартальным

---

[49] *Гаджиева С. Ш., Османов М. О., Пашаева А. Г.* Материальная культура даргинцев. Махачкала, 1967, с. 19—20; Материальная культура аварцев. Махачкала, 1967, с. 274.

[50] Обзор Дагестанской области за 1913 г., с. 18—19; Полевые материалы автора.

[51] *Хашаев Х. О.* Указ. раб., с. 183—186.

[52] *Магомедов Р. М.* Общественно-экономический и политический строй Дагестана в XVIII — начале XIX в. Махачкала: Дагкнигоиздат, 1957, с. 117.

[53] *Хашаев Х. О.* Указ. раб., с. 239.

[54] *Энгельс Ф.* Происхождение семьи, частной собственности и государства.— *Маркс К.* и *Энгельс Ф.* Соч., т. 21, с. 117 (см. также с. 26).

[55] По мнению Н. В. Пигулевской, самый факт наличия крепостей в Дагестане еще в VI в. «говорит об относительно оседлом образе жизни и более высоком уровне культуры людей Бет-Даду (Дагестан.— *М. О.*), чем у кочевых народов». См.: *Пигулевская Н. В.* Сирийский источник VI в. о народах Кавказа.— Вестник древней истории, 1939, № 1, с. 110.

[56] Большинство селений Южного Дагестана с развитым отгоном скота в Закавказье известны по эпиграфическим памятникам еще с начала II тыс., например: Ихрек (XI в.), Рутул, Гельмец (XII в.), Цахур, Куруш, Ахты (XI—XII вв.), Лучек, Михрек (не позднее XIII в.) и т. д. См.: *Лавров Л. И.* Эпиграфические памятники Северного Кавказа X—XVII вв., т. I. М.: Наука, 1966, с. 57, 67—68, 89, 91, 94, и др.

делением, оседлой общиной с общественной инфраструктурой, регламентированной, строго организованной хозяйственной и общественной жизнью, никак не согласуются с понятием кочевничества. «Кочевники,— как удачно сформулировал С. Е. Толыбеков,— потому и называются кочевниками, что у них еще нет оседлых поселений с жителями, занимающимися животноводством и земледелием»[57]. В Дагестане же были такие поселения и жители. Их характеристику мы находим у многих авторов конца XIX — начала XX в. Так, И. Пантюхов, например, писал: «Главные средства для существования» дагестанцам «всегда давали земледелие и скотоводство», у них «правильная внутренняя организация общин, честность взаимных отношений и оседлая земледельческая культура»[58]. Х. А. Вермишев утверждал, что население Дагестана, участвующее в отгонном скотоводстве, «не кочевое, хотя летом перекочевывает», и обосновал это так: оно «всегда занимается земледелием, садоводством и другими отраслями хозяйства»[59]. А. М. Аргутинский сообщал о жителях именно «кочевнического» Анцухо-Капучинского участка: «Они живут здесь только зимою, а летом поднимаются в родные деревни, где имеют оседлость и отчасти занимаются хлебопашеством»[60].

К выводу о том, что население в Дагестане не кочевало вслед за скотом, пришел и советский исследователь П. В. Погорельский. «Оседлость населения исключала возможность отгона всего стада», — писал он. Дагестанское скотоводство «не кочевое, а хозяйство с отгонно-пастбищной системой содержания скота»[61].

Из сказанного следует, что дагестанское отгонное скотоводство нельзя назвать ни кочевым, ни полукочевым, какие бы «обличия» его отгонная форма ни принимала. Однако в XIX в. в ряде обществ Западного и Южного высокогорного Дагестана бытовала ФС, при которой отгон овец сопровождался отгоном КРС и отходом населения. Разумеется, она требует выделения из остальных ФС и соответствующей номинации. Предложенное нами прежде название ее — «альпийский отгон с частичным отходом населения»[62] — представляется неудачным, ибо в основу его положено место проживания населения (скотовладельцев), а не место отгона скота для сезонного содержания, как принято при определении ФС. Правильнее этот вид отгона назвать «кышлажным».

Как оседание и занятие земледелием части населения видоизменяют кочевые формы скотоводства, уменьшая в них кочевнический элемент, но не изменяя сущности хозяйства и образа жизни населения[63], так и определенное увеличение подвижности населения (отхода со скотом) в отгонных ФС в какой-то мере уменьшает степень постоянной оседлости, что также должно отразиться в их наименованиях. Исследуемый вари-

---

[57] *Толыбеков С. Е.* Общественно-экономический строй казахов в XVII—XIX вв. Алма-Ата, 1959, с. 77—78.

[58] *Пантюхов И.* Современные лезгины.— Газ. Кавказ, 1901, № 228.

[59] *Вермишев Х. А.* Джейранчельские зимние пастбища Елисаветпольского и Казахского уездов Елисаветпольской губернии.— В кн.: Материалы по устройству казенных летних и зимних пастбищ и изучению скотоводства Кавказа, II. Тифлис, 1890, с. 150.

[60] *Аргутинский А. М.* Экономический быт государственных крестьян Телавского уезда Тифлисской губернии.— В кн.: Материалы для изучения экономического быта государственных крестьян Закавказского края, т. V, вып. 1. Тифлис, 1887, с. 59.

[61] *Погорельский П. В.* Колхозное строительство и реконструкция животноводства в горах Дагестана.— В кн.: Сельское хозяйство горного Дагестана. М.— Л., 1940, с. 79.

[62] *Османов М. О.* К вопросу о формах скотоводства в Дагестане.— В кн.: Материалы сессии, посвященной итогам экспедиционных исследований в Дагестане в 1973—1975 гг. (Тезисы докладов). Махачкала, 1976, с. 16.

[63] Ср. *Руденко С. И.* К вопросу о формах скотоводческого хозяйства и о кочевниках.— В кн.: Материалы по этнографии Географического общества СССР, вып. 1. Л., 1961, с. 3; *Вайнштейн С. И.* Историческая этнография тувинцев. Проблемы кочевого хозяйства. М.: Наука, 1972, с. 71—73; *Курылев В. П.* Опыт типологии скотоводческого хозяйства у казахов (2-я половина XIX — начало XX в.).— В кн.: Проблемы типологии в этнографии. М.: Наука, 1979, с. 168—170; *Симаков Г. Н.* Опыт типологизации скотоводческого хозяйства у киргизов (конец XIX — начало XX в.).— СЭ, 1978, № 6, с. 21—22; *Марков Г. Е.* Скотоводческое хозяйство и кочевничество. Дефиниции и терминология, с. 85, и др.

ант следует, вероятно, определить как кышлажный с частичным отходом населения вид отгонной ФС[64]. Главным в этой ФС является кошевый отгон МРС, который, учитывая содержание отар летом на яйлагах, можно считать составной частью трансюманса.

В этой связи затронем вопрос о типах скотоводческого хозяйства в рассматриваемом районе. Исходя из того, что тип скотоводства образует совокупность ФС[65] социального организма (общины, союза общин), составляющих скотоводческое хозяйство на протяжении животноводческого биологического и хозяйственно-календарного цикла, сочетание яйлажной и кышлажной форм отгона для одного и того же вида скота (в данном случае МРС) образует трансюманс.

Второй вид отгона скота также сочетается с содержанием животных на яйлагах, следовательно, и это — трансюманс с частичным отходом населения. Вообще в содержании КРС здесь преобладал внутриальпийский тип скотоводства с формами стойловой, выгонной, яйлажной и хуторской.

И наконец, образ жизни населения и ХКТ можно, по-видимому, охарактеризовать так: это подвижные скотоводы и земледельцы, в хозяйстве которых развиваются и скотоводство и земледелие, с преобладанием первого.

Таким образом, в высокогорных районах Южного и Западного Дагестана мы находим две ФС (которые обычно принимались за кочевые или полукочевые): 1) кышлажную, кошевую форму отгона МРС и 2) связанную с ней кышлажную с частичным отходом населения форму отгона КРС и других видов скота. Сочетания этих и других, бытовавших в высокогорном Дагестане ФС, образуют типы скотоводства: трансюманс; трансюманс с частичным отходом населения; внутриальпийский с кышлажным весенним и долинным отгоном.

---

[64] В связи с этим представляется соблазнительной мысль предложить несколько отличную от принятой группировку ФС, в которой формы, подобные исследуемой, получили бы название «подвижных» (стационарные формы, отгонные, подвижные, кочевые).

[65] Ср. *Симаков Г. Н.* Указ. раб., с. 15—16; *Османов М. О.* О формах и типах скотоводства (По материалам Дагестана. XIX в.), с. 81, 85—86.

Г. А. Аксянова, И. М. Золотарева, А. А. Зубов

ЭТНИЧЕСКАЯ ОДОНТОЛОГИЯ ВЬЕТНАМА КАК ИСТОЧНИК ИЗУЧЕНИЯ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ МОНГОЛОИДНЫХ И ЭКВАТОРИАЛЬНЫХ ФОРМ В ЮГО-ВОСТОЧНОЙ АЗИИ

Сведения о зубной системе некоторых вьетнамских народов получены во время работы советско-вьетнамских этнографо-антропологических экспедиций. В 1976 г. И. М. Золотаревой был собран материал по черным и белым тхай провинции Лайтяу, а также по вьетам провинции Виньфу. Обработка этих материалов проведена А. А. Зубовым. В 1978 г. Г. А. Аксянова собрала и обработала материал по тхай провинции Тханьхоа и тюру провинции Ламдонг. Таким образом, в нашем распоряжении имеются данные по основным этнографическим подразделениям тхай Вьетнама. В качестве сравнительных в работе используются данные по северным вьетам и горным индонезийцам тюру. Во время экспедиций 1976—1978 гг. обследовались мальчики и девочки 8—17 лет. Сбор и обработка материала проведены по принятой в СССР методике[1]. Рассмотрим характеристику тхай, вьетов и тюру по каждому из включенных в программу исследования признаков (см. табл.).

---

[1] *Зубов А. А.* Одонтология. Методика антропологических исследований. М., 1968.